

УДК 821.161.10

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В ОБЯДОВЫХ ПРАКТИКАХ

Золотова Т.А.

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», Йошкар-Ола,
e-mail: ffg@marsu.ru

В традиционной картине мира значимыми компонентами являются стереотипизированные представления, закрепленные в обрядовых практиках. В зависимости от функций, выполняемых ими в том или ином обряде, они могут быть этнически маркированными. В статье рассматривается эволюция такого рода маркеров в ритуальном комплексе обхода домов в Поволжье. Автор сопоставляет таусеневые (новогодние) традиции и вербальные тексты русских и мордвы, записанные на протяжении второй половины XX века в локусах их совместного проживания, и выявляет ряд общих традиционных действий и формул. Одна из формул («Пышки, лепешки, //Свинные ножки, /На печи сидели, // На нас глядели») фигурирует в абсолютном большинстве текстов, что, по мнению автора, свидетельствует о важности заключенного в ней содержания. Приведенные в статье этнографические материалы убедительно демонстрируют ритуальный характер дара/угощения в обряде. В статье сделан вывод об эволюции пищевого кода таусеневого обряда обходов домов в Поволжье: от сакрального акта приобщения к мясу жертвенного животного рода/коллектива к его метафорическому изображению на стадии перехода обряда в игру.

Ключевые слова: Поволжье, русские, мордва, этнография, фольклор, обряд, пищевой код, маркер, таусеневые обходы домов, песни-просьбы, эволюция.

THE EVOLUTION OF ETHNIC MARKERS IN THE RITUAL PRACTICES

Zolotova T.A.

Mari State University, Yoshkar-Ola, e-mail: ffg@marsu.ru

The stereotyped ideas assigned to ritual practices are significant components of the traditional world image. Depending on their function in this or that rite, these ideas can have an ethnic complexion. In the article the evolution of the markers of this kind in the ritual complex of house beats in Volga Region is considered. The author initially compares Tausen (New Year) traditions with Russian and Mordvinian verbal texts recorded during the second part of the 20th century in the places of the cohabitation of these two ethnic groups. Then a number of common traditional actions and formulas is revealed. One of these formulas (“Pyshki, lepehki, //Svinye nozhki, /Na pechi sideli, // Na nas gljadeli”) [“Buns, round cakes and pork trotters sat on the furnace and looked at us”) appears in absolute majority of the formulas. This fact, according to the author’s point of view, is the evidence of the importance of its matter. The ethnographic materials cited in the article make a convincing demonstration of the ritual nature of a gift or a food in the ritual. The conclusion about the evolution of the food code of the Tausen house beat rite in Volga Region is made in the end of the article: there is a shift from the sacral act of junction with the meat of a sacrificial animal of the kin or the group to the metaphorical depiction of this animal at the stage of the transfer from the rite to the game.

Keywords: Volga Region, Russians, Mordvins, ethnography, folklore, ceremony, food code, marker, Tausen house beats, request songs, evolution.

В исследовании картины мира того или иного этноса, наряду с антропологическими и этническими маркерами, важное место занимают и мировоззренческие, а среди них – стереотипические представления, закрепленные в обрядовых практиках. Понимание обряда как культурного текста в отечественную фольклористику введено Н.И. Толстым [13, с. 167]. Ученый также выделил и обозначил основные коды, характеризующие специфику различных обрядовых практик (акциональный, реальный или предметный, вербальный, персональный, локативный, темпоральный, музыкальный, изобразительный) [13]. Среди них особое место принадлежит так называемому пищевому коду, функции которого довольно часто становились и предметом специального рассмотрения в современной фольклористике [см. об этом подробно: 14]. Так, в обобщающей статье этнолингвистического словаря «Славянские древности» Т.А. Агапкина и

С.М. Толстая отмечают тот факт, что в традиционной культуре славян «пища выступает как посредник между природой (космосом) и человеком (социумом) и вместе с тем как мерило ценностей, как средство социальной коммуникации» [1, с. 61].

В календарных обрядах, являющихся предметом рассмотрения в настоящей статье, пищевой код служит «маркером календарного времени» и связан в основном с «идеями умножения, богатства и изобилия» [1, с. 63].

В Поволжье первое место по значимости и потенциалу занимают так называемые обходные обряды. Обычно они представляют собой «ритуальное хождение по домам с поздравлениями и благопожеланиями» и призваны «обеспечить каждой семье благополучие на весь год» [4, с. 483]. Обязательным элементом таких обходов является одашивание (или угощение) [4].

В центре внимания статьи – зимние обходные обряды русских и мордвы, имею-

щие в своей структуре ряд любопытных сходжений и пересечений [см. об этом подробно: 7]. В районах совместного проживания этносов они получили весьма выразительную форму «таусеневого» обхода. Обычно он осуществлялся под Новый год (в ночь с 31-ого декабря на 1-ое января).

У русских во второй половине XX века таусеневый обход приобрел следующую форму: молодые люди «посолонь» (с востока на запад) обходят все дома того или иного населенного пункта, останавливаются под окнами, стучат. Далее происходит диалог:

Обходчики:

Чанны ворота, посконна борода,

А не спеть ли вам таусень?

Хозяева: Спойте!

Тогда запевают:

Ты каракулька, ты березова!

Таусень! Таусень! [ЛАС].

Необходимо отметить, что исполняющиеся в процессе обхода песни обычно представляют собой соединение устойчивого зачина (двойной заклички праздника): «Таусень! Таусень!», «Таузи! Таузи!», «Таузи! Баузи!», «Усень! Усень!» с так называемой «основной формулой» (просьбой об угощении). Она в свою очередь включает перечисление главных ритуальных продуктов обряда («свиные ножки, лепешки») и сжатое воспроизведение процесса их изготовления, представленное в текстах метафорой («В печи сидели // На нас глядели») [7].

При этом формула **«Пышки-лепешки, // Свиные ножки, // В печи сидели, // На нас глядели»** в русских таусеневых песнях приобрела поистине универсальный характер. Появляется иногда и в колядных песнях. Но если в собственно таусенях (таусеньках, усеньках) она соединяется непосредственно с закличкой праздника, и это совмещение носит органический характер, то в колядках – представляет собой лишь начальную формулу, далее наблюдается буквальное «нагромождение» мотивов. Фигурируют одновременно «коляда», «борода», «свиные ножки» и т.п. Комбинация их, как правило, произвольна и не закреплена традицией.

Подобный обряд со сходным по звучанию названием – «тавунсямо» – известен и мордве (в переводе на русский язык – «свиной праздник») [9, с. 102, с. 104]. В записях второй половины XX века, по сравнению с русскими вариантами, отмечен большим количеством любопытных деталей. Например, Н.Ф. Мокшин писал: «<...> молодые парни, нарядившись в вывороченные шубы и шапки <...> ходили по домам» [10, с. 85]. Обряды тавунсямо сопровождалась и произведением страшного шума: дети стучали

в печные заслонки, пастухи ударяли посохами в двери, звенели колокольчики и бубенцы, использовались и музыкальные мордовские инструменты «чавома» и «кайга». В.Л. Имайкина объясняла подобное поведение обходчиков следующим образом: «Начальные дни аграрно-солнечного года считались опасными, способными принести или накликать беду. Поэтому совершались обряды, противодействующие враждебным силам, <в частности>, очистительный обряд шумом, который якобы отпугивал всю нечисть, бродившую по земле <...>» [6, с. 77]. Зафиксировано в этот период и сакральное обсыпание зерном, горохом. Например, горох замачивали, варили, затем подбрасывали вверх, при этом хозяйка дома говорила: «Сколько гороха долетит до потолка, столько счастья пусть будет в новом году» [6, с. 82].

При этом также исполнялись песни с уже известной по русским вариантам формулой: «Кто (нам) даст орешков, // У того пусть хлеб уродится, // На межу от тяжести пусть склоняется. // Копнами покроется пусть его загон, // От тяжести вилы пусть ломаются. // **Таусинь, таусинь, // Кишки-лепешки, // Поросячьи головушки, // Свиные ножки**» [УТПНМ, VIII, с. 234].

Однако если у русских такого рода тексты песни имели самостоятельное значение, то у мордвы входили в состав единого обрядового текста и исполнялись последними. Нам уже приходилось с разной степенью подробностей представлять особенности его осуществления: так, первыми исполнялись песни, напоминающие хозяевам о необходимости изготовления обрядовой пищи («Хозяин пусть знает, // Свиную голову сварит»); за ними в строгой последовательности звучали песни, называющие главных исполнителей обряда («Бабушка, отвори, ноги замерзли, // Куда, внучек, ходил?»); далее шли песни, воспроизводящие обстановку «иног» мира («У моста наш дом», «Из лубка наша дверь», «Ворота – приставленная доска»); песни, изображающие приемы наказания (повышения в статусе) будущего обходчика («Молодая матушка меня сгубила, // В подполье завалила»); песни, описывающие внешность и образ действий персонажа, осуществляющего инициацию («Каська-атя <домовой> обул меня, собрал, // Колядовать послал»); песни, воссоздающие трудности пути обходчиков («Пошел я через нижние ворота, // Ворота закрыты, // Пошел я через верхние ворота // Ворота закрыты») и, наконец, песни – диалоги, сущность которых заключается в реализации «идеи обмена»: «гости» требуют обрядовой еды и сообщают о будущем (обычно поражающем воображе-

ние) урожае, приплоде скота, рождении детей и др.) [см. об этом подробно: 7, с. 138-148 и далее].

По нашему мнению, сходные элементы русских и мордовских песен-просьб об угощении позволяют считать их вербальным синонимом обходных ритуалов, своего рода подтверждением тезиса Н.И. Толстого о «максимальной синонимичности различных уровней обрядовых практик, «повторении <в них> одного и того же содержания разными возможными способами, особой значимости вербального компонента в процессе деформации обряда» [13, с. 64]. Данные тексты – это своеобразное свидетельство ритуального характера акционального (факт передачи обрядовой пищи), персонального (не мы просим, не мы акторы, а те, кто стоит за нами, некая третья сила), локативного (печь, окно, мост), темпорального (таусень, тавунсяй не только заклички / апеллятивы, но и хрононимы) и, наконец, пищевого кодов обрядов [13].

В исследовательской литературе неоднократно отмечался тот факт, что участники обходных ритуалов «<...> оказывают предпочтение конкретной обрядовой пище» [15, с. 477-484, с. 538-545]. Специфике одаривания обрядовыми изделиями из теста у западных и южных славян посвящена целая глава известного исследования Л.Н. Виноградовой [3, с. 136-149]. Обобщая материал по Поволжью, А.Н. Розов отмечал, что в отдельных местах данного региона за «овсеньканье» одаривали круглыми пресными лепешками и фигурками в виде птиц [12, с. 33]. В Саратовской области такие лепешки назывались «калядашками» [11, с. 36]; в Нижегородской – «кокурками», «клюжечками-кочерюжечками» [8, с. 66]. Без уточнения формы изделия известны в данной области и «козульки», «коньки», «каракульки», «свинки», «коровки», «усеньки», «таусеньки» (в виде кренделей, булочек-витушек) [8, с. 66]. Т.М. Ананичева также относит к ним «таусеньки», но иного способа изготовления (в виде баранок) [2, с. 27]. В Ульяновской области популярны «кокурки» (сушки) и «таусеньки» (орешки из теста) [2, с. 27]. Однако и К.Е. Корепова, и Т.М. Ананичева, наряду с изделиями из теста, в качестве обрядового угощения в Поволжье уже обязательно называют *святочных поросят, кишки (домашняя колбаса из свинины), свиные ножки* [8, с. 66; 2, с. 27]. В Татарстане (Тетюшский район) участниками фольклорных экспедиций Московского университета отмечено бытование «таусей» – треугольных пирожков, начиненных «кишками». По свидетельству П.В. Шахова (1901 г.р., Тетюшский район, Татарстан), «тауськи» – пироги

с кишками; у кого есть ноги поросычьи – туда же загнут» [МГУ, 1986, с. 14, с. 30]. Именно данные ритуальные изделия (свиные ножки) и становятся главными в процессе таусеневого обхода русских и мордвы Поволжья.

Семантика обрядовой еды обычно рассматривается в науке в трех аспектах: а) замена жертвенного животного его символическим/метафорическим изображением; б) магический прием создания приплода скота; в) способ передачи умершим родственникам (опекунам дома и хозяйства) пищи, которую специально для них и готовили.

В данном случае речь идет о первом из них. В этнографических описаниях XIX века и рубежа XIX-XX веков мы неоднократно встречались с особым отношением финно-угорских этносов Поволжья (по преимуществу мордвы) к ритуальному закланию свины. С ней, в частности, производились действия, аналогичные действиям русских с «бычком-микольцем». Любопытно, что свиные давали «барду» от пива, которое варили к празднику Назаран-паза (6-е декабря по ст. ст. – зимний Никола) [9, с. 93-94]. Предварительно в течение трех недель животное откармливали. За три дня до заклания переводили в избу, наряжали (повязывали полотенцем, за которое вставляли распаренные березовые ветки), кололи во дворе у священного камня предков, кровь спускали под камень, здесь же и опаливали на березовых лучинках, зажженных штатолом (сакральной свечой). Сваренную отдельно голову украшали: в рот клали крашеное яйцо и распаренный березовый прутик с листьями. А под голову в виде бороды – пучок ниток, окрашенных в красный цвет. Данное сооружение и получило у мордвы название «золотая борода» [9, с. 92]. Подобные действия совершали и с «новогодней свиной». Но последняя жила в избе, пока не закалывали рождественскую. Затем ее отправляли в особый хлев, где откармливали вплоть до 31-ого декабря. Закалывали также у священного камня, но без особых церемоний. В качестве ритуальной еды особенно ценилась не голова, а *свиные ножки*, ими оделяли и обходчиков домов (таусников).

Интересный обряд мордвы с участием этого животного зафиксирован М. Евсевьевым в селе Сабаево Корсунского уезда Пензенской губернии. Он осуществлялся через некоторое время после Крещения (приближен, таким образом, ко дню почитания св. Власия, в бытовом православии – покровителя домашних животных). Ритуальной едой этнограф называет четыре небольших хлеба и жареного поросенка. Икон не было, зажженную свечу прикрепляли к солонке и

молились на восток. Особенностью этого моления было и то, что во время еды не употребляли ножей, поросенка и хлеб ломали руками, ели с ладони. Кости относили в хлев на съедение свиньям, чтобы те «хорошо водились» [5, с. 375-376]. Аналогичные действия осуществляли и русские в неоднократно описанных в этнографической литературе действиях с так называемым «кесаретским поросенком». Мясо его также разламывали руками, кости закапывали.

Приведенные в статье факты свидетельствуют о том, что таусеневый обход в традиционной культуре народов Поволжья имеет длительную историю. В период становления включал в свой состав практически все перечисленные Н.И. Толстым и его последователями культурные коды: акциональный (обход всех домов населенного пункта с востока на запад), предметный (атрибутика и реалии обходчиков: вывороченная наизнанку меховая одежда, колокольчики, посохи и др.), персональный (группы молодежи), темпоральный (в ночь с 31-ого декабря на 1-ое января), музыкальный (наличие у обходчиков музыкальных инструментов). В рамках его разработано и развернутое вербальное сопровождение. В процессе обряда исполнялись специальные песни, состоящие, как правило, из заклички / обращения к празднику и требования обрядового угощения. Причем и в песнях русских, и мордвы оно (требование) выражено в виде устойчивой словесной формулы с обязательным упоминанием изделий из свиного мяса. При этом в таусеневых песни мордвы в значительной большей степени по сравнению с русскими вариантами сохранены архаические компоненты, буквально погружающие исследователей таусеневого ритуального комплекса в особую атмосферу обрядовых практик. Стереотипизированная форма текстов одновременно свидетельствует об особой значимости заключенного в них содержания. Этнографические описания в свою очередь проясняют его существо: речь идет о поддержании существующего прецедента и социальной мобильности рода.

Налицо и эволюция этнического маркера (пищевого кода обряда) – от сакрализации акта поедания мяса священного животного (свиная голова / ножки) в обрядовых комплексах русских и финнов Поволжья к метафорическому приему («Свиные ножки в печи сидели, // на нас глядели»).

Список условных сокращений

ЛАС – личный архив Т.А. Золотовой.
МГУ – фольклорный архив кафедры устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова.

УПТМН, VIII – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. VIII. Детский фольклор [сост., подстр. перевод, предисл. и коммент. Э.Н. Таракиной; отв. ред. В.П. Аникин и Л.С. Кавтаськин]. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1978. – 299 с.

Публикация подготовлена в рамках под-держанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077.

Список литературы

1. Агапкина Т.А., Толстая С.М. Пища // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 61-64.
2. Ананичева Т.М., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. – М.: Музыка, 1991. – 176 с.
3. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
4. Виноградова Л.Н. Обходные обряды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 483-487.
5. Евсеев М.Е. Избранные труды. В 5-ти тт. – Т. 5. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1966. – 552 с.
6. Имайкина В.Л. Обрядовый календарь зимнего сезона у мордвы // Ученые записки Мордовского государственного университета. – Саранск: Мордовский государственный университет, 1968. – С. 73-86.
7. Золотова Т.А. Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1997. – 212 с.
8. Корепова К.Е. Библиографический указатель материалов фольклорного архива. Выпуск II. Ч. I. Календарные обряды. – Горький: Горьковский университет, 1982. – С. 66-71; Новые поступления в фольклорный архив. 1976-1982. Календарные обряды. Ч. I. – Горький: Горьковский университет, 1982. – С. 110-113.
9. Мельников С.П. Очерки мордвы. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. – 136 с.
10. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. – 159 с.
11. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). – Л.: Ленинградский университет, 1963. – 143 с.
12. Розов А.Н. Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок: дисс. ... канд. филол. наук. В 2-х тт. – Ленинград: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1978.
13. Толстой Н.И. Вторичная функция обрядового символа // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – 2-е изд., испр. – М.: Индрик, 1995. – С. 167-174.
14. Устинова Н.А. Пищевой код как символизация национальной традиции. – Режим доступа: <http://www.sun.tsu.ru/mminfo/000063105/image/333-028.pdf> (дата обращения: 07.06.14).
15. Caraman P. Obrzed koldowaniau slowian I rumunow. – Krakow, 1933.

References

1. Agapkina T.A., Tolstaya S.M. Pishha [Food] – Slavjanskije drevnosti. Ehtnolingvisticheskiij slovar' v 5-ti tomakh [Slavonic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes] / Editing by N.I. Tolstoy. Vol. 4. Moslow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2009, pp. 61-64.

2. Ananicheva T.M., Sukhanova L. Pesennye tradicii Povolzh'ja [Singing Traditions of Volga Region]. Moscow, Muzyka Publ., 1991, 176 p.
3. Vinogradova L.N. Zimnjaja kalendarnaja poehzija zapadnykh i vostochnykh slavjan. Genezis i tipologija koljadovanija [Winter Calendar Poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and Typology of Koledari]. Moscow, Nauka Publ, 1982, 256 p.
4. Vinogradova L.N. Obkhodnye obrjady [Beat Rites] – Slavjanskije drevnosti. Ehtnolingvističeskij slovar' v 5-ti tomakh [Slavonic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes] Editing by N.I. Tolstoj. Vol. 3. Moslow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004, pp. 483-487.
5. Evsev'ev M.E. Izbrannye trudy. V 5-ti tt. [Selected Works in 5 volumes]. Vol. 5. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 552 p.
6. Imajkina V.L. Obrjadovyj kalendar' zimnego sezona u mordvy. Učenyje zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta [Mordovian Winter Seasonal Ritual Calendar. Scientific Notes of Mordovian State University]. Saransk, Mordovian State University, 196, pp. 73-86.
7. Zolotova T.A. Tausenevyje pesni russkich Povolzh'ja: regional'noe svoeobrazie i mezhetnicheskie svjazi [Tausen' Songs of the Russian People in Volga Region: Local Originality and Interethnic Relations]. Yoshkar-Ola, Mari State University, 1997, 212 p.
8. Korepova K.E. Bibliografičeskij ukazatel' materialov fol'klornogo arhiva. Vypusk II. Ch.I. Kalendarnyje obrjady [Bibliography of the Folklore Archive Data. Volume 2, Part 1. Calendar Rites]. Gorky, Gorky University, 1982, pp. 66-71; Novye postuplenija v fol'klornyj arhiv. 1976-1982. Kalendarnyje obrjady. Ch.I. [New Entries of the Folklore Archive. 1976-1982. Calendar Rites. Part 1]. Gorky, Gorky University, 1982, pp. 110-113.
9. Mel'nikov S.P. Očerki mordvy [Mordvinian Studies]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981, 136 p.
10. Mokshin N.F. Religioznye verovanija mordvy [Religious Beliefs of the Mordvinians]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 159 p.
11. Propp V.Ja. Russkie agrarnye prazdniki (opyt istoriko-jehtnografičeskogo issledovanija) [Russian Agrarian Festivals (Experience of Historical Ethnographic Research)]. Leningrad, Leningrad University, 1963, 143 p.
12. Rozov A.N. Pesni russkich zimnih kalendarnyh prazdnikov: Problemy klassifikacii koljadok [The Songs of Russian Winter Calendar Festivals: The Problems of Kolyadka Classification]. Ph.D. Thesis in Philology in 2 Volumes. Leningrad, The Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), 1978.
13. Tolstoj N.I. Vtoričnaja funkcija obrjadovogo simbola [Secondary Function of the Rite Symbol] / Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jehtnolingvistike [Language and Folk Culture. The Studies of Slavonic Mythology and Ethnolinguistics]. The 2nd corrected edition. Moscow, Indrik, 1995, pp. 167-174.
14. Ustinova N.A. Pishhevoj kod kak simbolizacija nacional'noj tradicii [The Food Code as a Symbolization of National Tradition]. Available at: <http://www.sun./tsu.ru/mminfo/000063105/image/333-028.pdf>. (Accessed 07.06.14).
15. Caraman P. Obrzed koldowaniau slowian I rumunow. Krakow, 1933.

Рецензенты:

Поздеев В.А., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ВятГУ, г. Киров;

Карташова Е.П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русского и общего языкознания МарГУ, г. Йошкар-Ола.

Работа поступила в редакцию 29.07.2014.